

Блэк Боб. Детская болезнь технофилии

2020, источник: [здесь](#), перевод - Александр Умняшов.

Если патриотизм, как сказал Сэмюэл Джонсон, это последнее прибежище негодяя, то сциентизм сегодня – первое. Это единственная идеология, которая, будучи сформулирована заново в виртуальной болтовне, проецирует принципы построения будущего, сохраняя ориентацию и ценности, оставляющие всё на своих местах. Продолжайте переключать кнопку!

Абстрактное подтверждение «перемен» консервативно, а не прогрессивно. Это приятие любых перемен, мнимых или реальных, формальных или содержательных, реакционных или революционных. Чем больше всё меняется – чем больше вещей, которые меняются, – тем чаще они остаются теми же. Быстрее, быстрее, Спиди-гонщик! (Но продолжай ездить по кругу.)

По той же причине привилегированность прогресса также является консервативной. Прогресс это представление, что перемены ведут к совершенствованию, а совершенствование, как правило, необратимо. Отдельные неудачи происходят, если перемены стопорятся или неверно направлены («эфир», «флогистон»{1}), но секулярная (и неизменная) тенденция налицо. Ничто ошибочное не длится долго, так что никогда не бывает каких-либо веских причин не продолжать начатое. Всё будет в порядке. Как однажды выразился один юрист, в другом (но поразительно схожем) контексте, жернова правосудия вертятся медленно, но мелют мелко. {2}

Как предполагает его псевдоним, Уолтер Альтер является самопосвящённым первосвященником прогресса (но знает ли он, что по - немецки alter означает «старый»?).{3} Он презирает прошлое, увековечивая его. Его манера писать только маленькими буквами – как современно! – была уместна 80 лет назад, когда так делал э.э. каммингс.{4}

Возможно, в дальнейшем Альтер откажется от пунктуации, спустя всего несколько десятилетий после Джеймса Джойса. И спустя 3000 лет после того, как римляне сделали то и другое. Темпы прогресса могут быть головокружительными.

Будущее для Альтера это программа, которую Карл Маркс и Жюль Верн наметили в позапрошлом веке. Эволюция прямолинейна, технологически управляема и, по какой-то странной причине, в нравственном отношении необходима. Эти понятия устарели уже тогда, когда их слепили на скорую руку Герберт Спенсер и Карл Маркс. Позитивизм Альтера ничем не лучше позитивизма Конта [5] раскрывшего планы, создав Позитивистскую

церковь.[6] И его механический материализм это на самом деле регрессия от марксизма к сталинизму. Подобно плохой и совсем не развлекательной научной фантастике, альтеризм является идеологией XIX века, витийствующей на жаргоне XXI века. (Одним из немногих явных и обнадеживающих фактов о будущем является тот, что оно не будет таким, как говорит Уолтер Альтер, как настоящее не таково, каким его видел Хьюго Гернсбек [7]). Альтер не написал ничего, с чем были бы не согласны Ньют Гингрич [8] или размороженный Уолт Дисней.[9] «Комиссия прикладных социологов» на его стороне, или, вернее, он на их стороне. Они не думают как он, – тогда пришлось бы допустить, что они умеют думать – но они хотят, чтобы мы думали как он. Единственная причина, по которой он у них не на зарплате, это отсутствие смысла платить ему за то, что он готов делать бесплатно.

«Информационная перегрузка соотносима с вашим профессиональным уровнем», провозглашает Альтер. Эта перегрузка, конечно, соотносима с его уровнем. Он прыгает туда-сюда с технологии через антропологию к истории, подобно атомам в ньютоновской бильярдной Вселенной, в которую учёные, в отличие от Альтера, давно не верят. Степень его невежества поражает, изумлённая общественность может только задаваться вопросом Граучо Маркса [10]: «Есть ли что-то ещё, о чём вы абсолютно ничего не знаете?» Если синдикализм (как выразился один шутник) это фашизм минус пафос, то альтеризм – эмпиризм минус доказательства. Он без разума облачается в мантию разума. Он ожидает, что мы примем за веру его отказ от веры. Он яростно утверждает, что факты это факты, без оглашения оных.

Альтер слишком беспокоен, чтобы быть ясным, но, по крайней мере, он предоставил список врагов – хотя, как сенатор Маккарти, он скорее выдаёт туманно-категоричные доносы, чем называет имена. Первыми в списке идут «примитивно-ностальгики», «антропологическо-романтики», которые то ли поддерживают «антиавторитарных» из «анархо-левых», то ли являются ими. Все эти таинственные расстановки дефисов рассчитаны на обычного читателя, дабы внушить смутный страх без сообщения какой-либо точной информации, кроме упоминания простофиль из комиссии прикладных социологов и врагов цивилизации. Но зачем прикладные социологи хотят уничтожить цивилизацию, в которой они процветают за счёт большинства из нас?

Если религия это почитание чего-то непонятного, то Альтер горячо религиозен. Он путает науку с систематизированными познаниями (что когда-то было естественной историей, давно несуществующей, подобно френологии [11]). Наука это общественная практика с характерными методами, а не накопление формально сертифицированных «фактов». Не существует голых, внеконтекстуальных фактов. Факты всегда соотносятся с контекстом. Научные факты соотносятся с теорией или парадигмой (т. е. с формализованным контекстом). Электроны это частицы или волны? Ни то и ни другое, но и то, и другое, согласно Нильсу Бору – это зависит от того, где вы ищете и почему. Являются ли постулаты и теоремы евклидовой геометрии «истинными»? Они очень хорошо соотносятся с большей частью физической вселенной, но Эйнштейн обнаружил, что неевклидова геометрия Римана [12] лучше описывает такие важные явления, как гравитация и отклонения световых лучей. Каждая геометрия внутренне непротиворечива, каждая несовместима с другой. Никакой факт или факты не решают противоречий между ними. По мере необходимости физики преодолели несоответствия и научились жить с несопоставимыми теориями

относительности и квантовой физики, потому что годятся (почти) они обе. Ньютоновская физика всё ещё вполне применима внутри Солнечной системы, где ещё есть место нескольким «фактам» (вроде прецессии [13] Меркурия), не поддающимся эйнштейновской теории относительности, которая, безусловно, применима в остальной Вселенной. Назвать одну теорию истинной, а другую ложной, это как назвать истинной Тойоту, а Model-T [14] ложной.

Теории создают факты – и теории уничтожают их. Наука одновременно, и обязательно, прогрессивна и регрессивна. В отличие от Уолтера Альтера, наука не предпочитает какое-то одно направление. Не существует пассивной, предшествующей, «организованной, структурированной, прогнозируемой и постижимой» Вселенной, ожидающей нашего прорыва прикосновения. В той мере, в какой Вселенная упорядочена, – а по нашим познаниям нельзя сказать за всю Вселенную – это наших рук дело. Не только в очевидных вещах, что мы создаём семьи и строим города, выбираем наши жизненные пути, но больше в схематичной силе восприятия, с помощью которой мы преобразуем сумбур чувственных данных в «таблицы», где есть «на самом деле» лишь множество мельчайших частиц в почти пустом пространстве.

Альтер выступает против обнозиса, плохо понимаемого им неологизма для игнорирования очевидного. Но игнорирование очевидного – это «очевидная» предпосылка для науки. Как выразился С. Ф. Ч. Милсом, [15] «...то, что очевидно, не может быть в чём-то неверным: подобно движению Солнца, это может быть только в корне неправильным». Очевидно, что Солнце вращается вокруг Земли. Очевидно, что Земля плоская. Очевидно, что стол передо мной – твёрдый, а не представляет собой, как полагают мистики-атомщики, почти полностью пустое пространство. Очевидно, что частицы не могут быть волнами. Очевидно, что человеческое общество невозможно без государства. Очевидно, что охотники-собиратели работали больше современных наёмных рабочих. Очевидно, что смертная казнь сдерживает преступность. Как бы то ни было, нет ничего более очевидного, чем то, что все эти положения являются ложными. То есть они не могут квалифицироваться как «факты» в рамках любой системы взглядов, которую бы её сторонники принимали за свою. Более того, все защитники (таких вот взглядов) так – приступим к деталям – вперёд в прошлое. Альтер выступает против того, что он называет «романтической привязанностью к „простому“, „невинному“ существованию в прежние времена или среди современных первобытных или „восточных“ обществ». Прошу эти слова занести в протокол. Мне неизвестно, что кто-то соединяет прошлое или настоящее первобытных обществ с «восточными» обществами (по-видимому, цивилизациями Китая и Индии и их ответвлениями в Японии, Корее, Бирме, Юго-Восточной Азии, Индонезии и т. д.). Эти «восточные» общества гораздо больше напоминают то общество – наше, – которое «анархо-левые» хотят свергнуть, чем какое-либо первобытное. Обе цивилизации включают государство, рынок, классовое расслоение и контролируемую священниками религию, которые отсутствуют во всех групповых (охотники-собиратели) и многих племенных обществах. Даже если первобытные и восточные общества имеют какие-либо общие черты, применимые к аргументу Альтера (потрудился бы он его сформулировать), то Альтер их не определяет., их ещё предостаточно) яро утверждают, подобно Альтеру, позитивистски- эмпирическую систему взглядов, в которой их ошибочность бросается в глаза.

Итак – приступим к деталям – вперёд в прошлое. Альтер выступает против того, что он называет «романтической привязанностью к „простому“, „невинному“ существованию в прежние времена или среди современных первобытных или „восточных“ обществ». Прошу эти слова занести в протокол. Мне неизвестно, что кто-то соединяет прошлое или настоящее первобытных обществ с «восточными» обществами (по-видимому, цивилизациями Китая и Индии и их ответвлениями в Японии, Корее, Бирме, Юго-Восточной Азии, Индонезии и т. д.). Эти «восточные» общества гораздо больше напоминают то общество – наше, – которое «анархо-левые» хотят свергнуть, чем какое-либо первобытное. Обе цивилизации включают государство, рынок, классовое расслоение и контролируемую священниками религию, которые отсутствуют во всех групповых (охотники-собиратели) и многих племенных обществах. Даже если первобытные и восточные общества имеют какие-либо общие черты, применимые к аргументу Альтера (потрудился бы он его сформулировать), то Альтер их не определяет.

Для Альтера «самой сутью является то, что естественное стремление любой живой культуры развиваться ведёт к применению инструментов углубления». Культуры не бывают «живыми»; так говорить значит овеществлять и мистифицировать их природу. Точно также у культур не обязательно бывают какие-либо «естественные стремления». Как бывшего (или тайного) марксиста – бывшего (?) сторонника Линдона Ларуша [16] в его сталинистский период «Национального Собрания трудовых комитетов» – Альтера не извиняет то, что он об этом не знает. Хотя Маркса очень даже интересовал способ производства – капитализм, – который, по его мнению, действительно имел естественное стремление, он также выделил «азиатский способ производства», где такого стремления нет; Карл Виттфогель подробно рассмотрел этот вопрос в своей книге «Восточная деспотия». Наш провидец прогнозирует, что «если этот рост остановится, культура умрёт». Мы знаем, что это ложь.

Если же Альтер прав, то возврат к простым технологиям приведёт общество к неизбежному самоубийству. Антропологам виднее. Для Альтера догматом является то, что агрикультура технологически превосходит собирательство. Но предки индейцев равнин были оседлыми или полукочевыми земледельцами, переставшими быть таковыми из-за одомашнивания лошади, что позволило им (не вынудило их) стать охотниками, и такой образ жизни они посчитали более пригодным для себя. Либерийские кпелле сохранили сухую технологию выращивания риса и отказались от мокрой, которую им навязывали «эксперты» по экономическому развитию. Кпелле прекрасно понимают, что мокрая технология (орошение) гораздо продуктивнее сухой. Но сухое земледелие ведётся сообща, с пирушками и песнями, что невозможно при мокрой технологии – и гораздо легче трудиться, если «рабочее место» в порядке. Если их культура должна «погибнуть» в результате этого в высшей степени разумного выбора, то это будет убийство, а не самоубийство. Если Альтер считает прогрессом уничтожение людей из-за того, что мы способны на это и из-за того, что они отличаются от нас, то он может засунуть свой прогресс куда подальше. Защищая это, он порочит науку.

Даже история западной цивилизации (единственная, которую наш этноцентричный футурист принимает всерьёз) противоречит теории Альтера о технологической воле-к-власти. На протяжении более тысячи лет классическая цивилизация процветала без какого-либо «применения инструментов углубления». Даже на пике развития эллинистической и

римской наук их технологии обходились без этого. Тогда был создан паровой двигатель, но он оказался забыт, в то время как в Китае (другой контраргумент для альтеризма) был изобретён порох, который использовался для отпугивания демонов – вероятно, это самое адекватное его применение. Конечно же, древние общества прекратили своё существование, но так всегда бывает: как сказал Кейнс, в долгосрочной перспективе мы все умрём.

И у меня есть сомнения по поводу фразы «инструменты углубления». Не та ли это вещь, которая рекламируется на задних обложках порно- журналов?

Альтер скорее лжёт, чем ошибается, когда повторяет гоббсианский миф о том, что «первобытная жизнь коротка и жестока». Похоже, что он знает о тех, кого называет антропологами-романтиками, лишь то, что они не разделяют удовлетворённости их учёных коллег. Понятие «первобытности», «примитивности», применимое ко многим случаям, – включая и этот – слишком расплывчато и затаскано, чтобы его употреблять. Оно может относиться к чему угодно: и к сохранившимся обществам охотников-собирателей, и к этническому крестьянскому меньшинству современных стран Третьего мира (например, к мексиканским или перуанским индейцам). Примером может служить средняя продолжительность жизни. Альтер хочет убедить своих читателей, что долголетие – это функция техно-социальной многокомпонентности. Это и правда, и не совсем правда. Как установил Ричард Боршей Ли {17} у Кунг-Сан («бушменов») Ботсваны общественная структура скорее похожа на американскую, чем на структуру страны Третьего мира с крестьянским меньшинством. Жизнь охотников-собирателей не так уж коротка. Лишь в последнее время продолжительность жизни в мегаполисах привилегированных наций превзошла доисторический показатель.

Что касается «жестокости» жизни первобытных людей, по сравнению, скажем, с жизнью в Детройте, то это, конечно же, моралистическое, а не научное утверждение. Если уровень жестокости соотносим с уровнем жизни, то охотники-собиратели – как показал Маршалл Салинс в «Подлинном обществе изобилия» {18} – работают гораздо меньше, а общаются и празднуют гораздо больше, чем современные люди. Никто из них не получает указаний от босса-мудака, никто не просыпается раньше полудня и не работает пять дней в неделю – ну, в общем вы поняли.

Альтер самодовольно отмечает, что «те несколько чёртовых первобытных сообществ были основаны теми, кому это нравится <такой образ жизни>». Ясен пень. Ну и что? Эти общества не основывались, они эволюционировали. Те же индустриальные и капиталистические влияния, уничтожающие существующие первобытные общества, сильно препятствуют образованию новых. Мы сожалеем именно о том, что потеряли, особенно об инструментах для воссоздания утраченного. Альтер это просто какая-то группа поддержки для свиней. Как я сказал выше, ему бы платили (вероятно, не так много), не делай он это бесплатно.

Следует признать, что порой какой-нибудь антрополог или «анархо- левый» в некотором смысле романтизирует первобытную жизнь, но это не идёт ни в какое сравнение с тем, как Альтер фальсифицирует этнографические источники. Труды Ричарда Боршей Ли и

Маршалла Салинса сегодня представляют расхожее мнение относительно обществ охотников-собирателей. Эти исследователи ничего не романтизируют. Им это без надобности. Романтик может объявить, что первобытное общество, которое он или она изучает, свободно от конфликтов и насилия, как это делает Элизабет Маршалл Томас в её книге про сан/бушменов «Безобидные люди». Более поздние кропотливые исследования Ли обнаружили, что средний показатель убийств у сан ненамного меньше чем в сегодняшней Америке. Салинс убедительно показал, что платой за досужую сытую жизнь охотников-собирателей стало отсутствие имущества, о котором можно было бы беспокоиться. Вопрос, «есть ли в этом великая жертва?», является оценочным суждением, а не научным открытием – эту разницу Альтер не понимает, как любой средневековый монах.

Наверное, единственное прямое упоминание Альтером Маргарет Мид {19} звучит как «полуграмотная сектантка, „смешивающая шаблоны“, когда они не вписываются в её устоявшиеся теории» (Альтер никогда не уточняет). Мид была не очень опытна во время её первых полевых исследований в Самоа, но назвать автора хорошо написанных бестселлеров «полуграмотной» значит показать себя не то что неграмотным, а просто глупым. Я бы сказал, что сам Альтер является полуграмотным сектантом, смешивающим шаблоны, не будь он полуграмотным сектантом, игнорирующим факты.

Основные выводы Мид состояли в том, что самоанцы были сексуально либеральны и, подобно американцам в межвоенный период, скорее сотрудниками, чем конкурентами. Мид – бисексуальная протеже лесбиянки Рут Бенедикт {20} – могла проецировать свою собственную сексуальную раскрепощённость на туземцев. Но современные исследования (такие, как «Мангайя» Роберта Саггса), а также исторические свидетельства капитана Кука подтверждают, что большинство обществ островов Тихого океана действительно были ближе к беззаботной гедонистической идиллии, привидевшейся на Самоа Маргарет Мид, чем к гобсианскому шоу ужасов. Альтер выступает против романтизирования, субъективизма, мистицизма – этих обычных подозреваемых – но не хочет видеть настоящих, регулярно подтверждаемых фактов о жизни в первобытном обществе. Он всё отрицает.

Если выводы Мид о сексуальности и созревании были пересмотрены в последующих исследованиях, то её характеристики конкуренции и сотрудничества в изучаемых ею обществах не утратили актуальности. По любым меркам, наше современное (государственно-) капиталистическое общество является тем, что в статистике называют «выпадающее значение» – мутация, уродство, монстр – стоящее в стороне от большинства наблюдений, категория, сильно разделяющая вариативность и отклонение. Не существует «двойного стандарта, применяемого в радикальной критике против всех буржуазных, капиталистических, зрелищных, потребительских факторов» – отклонение радикально настолько, насколько радикальным был отход от общинной жизни в человеческих обществах за последние несколько миллионов лет. Это как если бы Альтер обвинил в пристрастии измерительную линейку, показывающую, что вещи величиной трёх и более футов длиннее прочих, которые величиной поменьше. Если это наука, то уж лучше мистика, уж лучше смерть.

Альтер как бы намекает нам, что Мид сфальсифицировала факты. Даже если так, мы знаем многих прославленных учёных – среди них Галилей и Грегор Мендель, – которые

фальсифицировали отчёты о своих экспериментах для обоснования всеми признанных сегодня выводов. Мендель, что ещё хуже, был католическим монахом, «мистиком», если исходить из демонологии Альтера, а между тем он основал генетику. Альтер, далёкий от основания какой-либо науки, никак не демонстрирует, что знает толк хоть в какой-нибудь.

Достоинства и недостатки этнографических разысканий Мид более чем второстепенны в полемике Альтера. Она не первая обнаружила, что охотники-собиратели работают меньше, чем мы. В такой полемике вскрывается суть контрол-фрика, утверждающего, что идеи, которые он не принимает или не понимает, являются фашистскими. Я не могу строго судить такой мразотный оппортунизм. «Фашистский» не является, как подразумевает Альтер, универсальным синонимом к «мне не нравится». Когда-то я написал эссе «Феминизм как фашизм» {21} вызвавшее бурю негодования, несмотря на то, что я не высказал и половины из возможного. Я не особо волновался на этот счёт, потому что я строго подошёл к отбору в определении точных параллелей между фашизмом и так называемым (радикальным) феминизмом – их где-то с полдюжины. Между феминизмом и фашизмом существует на полдюжины аналогий больше, чем альтеровских соответствий между фашизмом и анархо-лефтизмом или ностальгией по первобытному. Единственные анархо-левые, которые очевидно близки к фашизму (и в Италии они проторили к нему путь многим новобранцам), это синдикалисты – вырождающаяся секта и последние анархисты, способные разделить ретроградный сциентизм Альтера. И это Альтер, а не его враги, призывает к «руководящему, целостному своду знаний как к ценностной ориентации» – только одной ценностной ориентации, прошу заметить – для «схем и учебников», для ценных указаний. Так в нашем несовершенном мире заводятся настоящие фашисты. Анализируя понятие, Альтер (он совсем не одинок в этом), якобы выступая против фашистов, на самом деле снабжает их прибором для шумовой экипировки.

«Художники, – сетует Уолтер, – объективно не верят, что технология это хорошая штука». Меня мало волнует, во что верят художники, особенно если Альтер является типичным художником, но приписываемое им отношение делает им честь. Я бы подумал, что это и есть обнозис, игнорирование очевидного, – верить в технологию «объективно», не как в средство достижения цели или в самоцель, а как в нечто чрезвычайно важное, но никому не нужное. Искусство ради искусства – это спорный принцип, но он хотя бы производит искусство, кого-то радующее своей красотой. Технология ради технологии не имеет никакого смысла, как франкенштейновский монстр. Если принцип технологии ради технологии не является противоположным разумности, то я тогда не знаю, что есть разумное, и я бы предпочёл не знать.

Анархо-коммунистские охотники-собиратели (а они ведь именно такие) прошлого и настоящего очень важны. Не (обязательно) потому, что они преуспевают в адаптации к своим специфическим условиям, которые по определению не поддаются обобщению. Они важны потому, что показывают, что жизнь когда-то была и может быть принципиально другой. Смысл не в том, чтобы восстановить тот образ жизни (хотя можно найти основания и для этого), но чтобы понять возможность уклада жизни, абсолютно противоположного нашему, уклада, который в самом деле существовал миллион лет, а значит и другие жизненные уклады, противоположные сегодняшнему, тоже вполне реальные.

Для человека XXI века, шизоидного по части вкуса и личных качеств, у Альтера крайне устаревший словарный запас. Он полагает, что невнятный детский лепет, состоящий из слов «хорошо» и «плохо», значит нечто больше, чем «мне нравится» и «мне не нравится», но даже если они и значат что-то большее, то до читателя он этого не доносит. Он обвиняет выбранных для себя врагов в «инфантилизме и мстительности по отношению к родителям», отзываясь эхом, соответственно, авторитарному Ленину (см. «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме») и Фрейдю. Типичный футурист – а первые футуристы исповедовали фашизм {22} – он отстал от нас на целый век за спинами Гейзенберга и Ницше. Морализм ретрограден. Тебе что-то нужно от меня? Не говори, что ты «прав», а я «нет», мне наплевать, что любит Бог или Санта Клаус, и неважно, порочный я или приятный. Просто объясни, что тебе нужно из моего и почему я должен с тобой поделиться. Не гарантирую, что мы договоримся, но чёткая формулировка с последующим обсуждением – это единственная возможность урегулировать спор без принуждения. Как говорил Прудон: «Мне не нужны законы, но я готов торговаться». Альтер цепляется за «объективную реальность» – сущность далеко не застывшую – с таким же рвением, как ребёнок стискивает руку матери. Это рвение, в случае Альтера и детей всех возрастов, всегда оттеняется страхом. Альтер (цитирую Клиффорда Гирца {23}): «...боится, что реальность ускользнёт, если мы в неё накрепко не поверим». Он никогда не будет страдать от Эдипова комплекса, потому что не дорастёт до него. Он воспринимает мир только как заводной механизм. Солнечная система для него планетарий. Он не толерантен к двусмысленности, относительности, неопределённости – т. е. не толерантен к самой толерантности.

Кажется, что Альтер не почерпнул из науки ничего, кроме сильно путанного жаргона. Разоблачая «плохой научный подход» и «интуицию» своим зловонным дыханием, он подчёркивает своё невежество относительно плюрализма в научном методе. Даже такой решительный позитивист, как Карл Поппер, отличал «контекст джастификации» {24} которую он полагал сочетающейся с жёсткой наглядной ортодоксией, от «контекста открытия», где, как радостно заметил Поль Фейерабенд {25} «возможно всё». Альтер показывает, насколько он не в теме со своими легкомысленными отсылками к «истинным методам открытия». Нет никаких истинных методов открытия, есть только подходящие. В принципе, чтение Библии или употребление ЛСД являются такими же легитимными методами открытия, как чтение научных журналов. На самом деле не так важно, вдохновил ли Архимеда прыжок в ванну, а Ньютона – падающее яблоко. Важно, что такие – любые – импульсы к творчеству возможны, а если эффективны, то желательны.

Интуиция важна, не как оккультный непререкаемый дар, а как источник гипотез во всех областях. Важна, когда идея ещё не нашла свою формулировку, но уже является важной и имеет потенциал в герменевтических дисциплинах, которые совершенно справедливо отвергают обвинения в мистичности, вызванные тем, что они не оперируют количественными показателями. Многие дисциплины, принятые в пантеон науки (такие, как биология, геология и экономика), могли бы быть изгнаны из него посредством такой анахроничной догмы. «Посмотрите на источник» является тем, что Альтер называет «плохим научным методом». Мы много (слишком много) слышали о конфликте между эволюционизмом и креационизмом. Достаточно шапочного знакомства с западной интеллектуальной мыслью, чтобы понять, что теория эволюции это секуляризация эсхатологии, отличающая христианство от других религиозных традиций. Но имея

христианство в качестве того самого контекста открытия, было бы ненаучно отвергать эволюцию. Или, если на то пошло, принимать её.

Альтер не является тем, кем хочет казаться: рыцарем разума, нападающего на орды иррационалистов. Единственное, что объединяет между собой врагов в его списке, это факт попадания туда. Айн Рэнд {26} чья истеричное принятие на веру «разума» было таким же альтеризмом, но без научпоп-жаргона, тоже имела список врагов, включавший гомосексуалистов, либералов, христиан, антисионистов, марксистов, абстрактных экспрессионистов, хиппи, технофобов, расистов, курильщиков марихуаны (не табака). Список Альтера (очевидно, неполный) включает садомазохистов, нью-эйджеров, антропологов, шизофреников, борцов с авторитарностью, христианских фундаменталистов, прикладных социологов, фашистов, протокубистов... Всех свалил в одну кучу. Альтер всего лишь жонглирует именами и обвинениями, так как не имеет достаточно инструментов углубления.

«Сколько раз на дню вы интуитивно имеете дело с важными вещами?» Хорошо сказано – настолько остро, что можно подцепить этого парня на крючок. Угадай-ка, дорогой читатель или читательница: сколько раз на дню вы **ВООБЩЕ** имеете дело с важными вещами? Сколько раз на дню вы «имеете дело с важными вещами» – интуитивно, иронично, интеллектуально, импульсивно, бесстрастно или как-нибудь ещё? Или ваши дни проходят один за другим, и больше ничего? А те самые «важные вещи», которые воздействуют на вас, если они вообще имеют место, определяются – если определяются – кем-то другим? Замечаете ли вы недостаток сил самостоятельно определять свою судьбу? Что ваш доступ к «виртуальной» реальности увеличивается пропорционально вашей дистанцированности (благоразумный шаг) от реальной действительности? Что окромя вашей работы и вашего потребления вы больше ни за чем не нужны этому обществу, а когда вы не сможете продолжать то и другое, нет вероятности, что общество о вас позаботится? И наконец, поможет ли вам технофильский техно-капиталистский кошачий концерт Уолтера Альтера каким-либо образом понять будущее, не говоря уже о том, – это гораздо важнее – чтобы изменить его?

Примечания

1 В конце XIX в. в теории эфира возникли непреодолимые трудности, вынудившие физиков отказаться от этого понятия. В 1770-х гг. теория флогистона была опровергнута благодаря работам Лавуазье, после которых её сменила другая – кислородная теория горения.

2 Слова приписываются американскому юристу Джону Баннистеру Гибсону (1780—1853).

3 Данный текст Боба Блэка – это ответ на статью Уолтера Альтера «Ретро – новый префикс», опубликованной журналом «Fringe Ware Review» (1994).

4 Эдвард Эстлин Каммингс (1894—1962) – американский поэт, писатель, художник, драматург.

5 Огюст Конт (1798—1857) – французский философ, родоначальник позитивизма, основоположник социологии как самостоятельной науки. Основные труды: «Курс позитивной философии» (1830—1842) и «Система позитивной политики» (1851—1854).

6 Действительно существующая Церковь Гуманизма, на базе «религии гуманизма» О. Конта. У этой Церкви даже есть свои храмы.

7 Хьюго Гернсбек (1884—1967) – американский изобретатель, бизнесмен, писатель, редактор и издатель, основатель первого в мире журнала научной фантастики «Amazing Stories».

8 Ньют Гингрич (1943) – американский политик. В 1998 году, будучи Спикером Палаты Представителей Конгресса США, стал инициатором импичмента президенту Биллу Клинтону.

9 Дисней был убеждённым антикоммунистом и долгие годы сотрудничал с ФБР. После смерти, как говорят, был заморожен до лучших времён.

10 Джулиус Генри «Граучо» Маркс (1890—1977) – американский актёр, участник комик-труппы, известной как Братья Маркс.

11 Френология – одна из первых псевдонаук в современном понимании, основным положением которой является связь психики человека и строения поверхности его черепа. Создателем френологии является австрийский врач и анатом Ф. Й. Галль. Его теория была очень популярна в первой половине XIX в., но развитие нейрофизиологии показало её несостоятельность.

12 Бернхард Риман (1826—1866) – немецкий математик. За свою короткую жизнь (всего 10 лет трудов) он преобразовал сразу несколько разделов математики.

13 Прецессия – явление, при котором момент импульса тела меняет своё направление в пространстве под действием момента внешней силы.

14 Ford Model T (модель также известная, как «Жестянка Лиззи», англ. Tin Lizzie) – автомобиль, выпускавшийся компанией Форд с 1908-го по 1927-й год. Обычно он рассматривается в качестве первого доступного автомобиля, выпускавшегося миллионами экземпляров.

15 Страуд Фрэнсис Чарльз Милсом (1923—2016) – американский юрист, профессор.

16 Линдон Ларуш (1922—2019) – американский экономист, левый политический активист, философ, основатель нескольких политических организаций. Много раз выставялся кандидатом на президентских выборах в США.

17 Ричард Боршей Ли (р. 1937) – канадский антрополог.

18 Глава в книге М. Салинса «Экономика Серебряного века» (1974), впервые опубликована как эссе (1968). Подробный разбор этой работы опубликован в кн.: Блэк Б. Анархизм и другие препятствия для анархии. М.: Гилея, 2004. С. 49—60.

19 Маргарет Мид (1901—1978) – американский антрополог.

20 Рут Бенедикт (1887—1948) – американский антрополог, представитель этнопсихологического направления в американской антропологии.

21 См.: Блэк Б. Анархизм и другие препятствия для анархии. С. 85—92.

22 Боб Блэк повторяет здесь распространённое заблуждение. И хотя этот штамп относительно футуристов используется им в иронико-полюемическом ключе, мы полагаем полезным дать короткое разъяснение. Литераторы и художники, называвшие себя футуристами, появились в Италии в 1909 г., когда был опубликован «Манифест футуризма» Ф. Т. Маринетти. А итальянский фашизм как идеология и политическая сила возник лишь спустя несколько лет после начала Первой мировой войны, уже при второй волне футуризма. Другое дело, что Маринетти, как и ряд других его соратников (но далеко не все), стали участниками этого движения, вскоре захватившего власть в стране. Однако между футуризмом и фашизмом сохранялись существенные идеологические различия (см., напр., статью Е. Лазаревой в подготовленной ею кн.: Второй футуризм: Манифесты и программы итальянского футуризма. 1915—1933. М.: Гилея, 2013). Одновременно с этим такое вполне самостоятельное и не менее значимое явление как русский футуризм, сформировавшееся в 1912—1913 гг. и просуществовавшее не менее десятилетия, имело чётко выраженную антиавторитарную, во многом анархическую идеологию и практику. Бытующее в литературе мнение об идейной близости русского авангарда к тоталитаризму, основанное, прежде всего, на абсолютном игнорировании всего его «досоветского» периода и преувеличении участия футуристов в советском строительстве, представляется нам совершенно несостоятельным (Примеч. Сергея Кудрявцева, редактора издательства «Гилея», впервые выпустившего этот текст в сборнике Боба Блэка «Анархия и демократия» в 2014 году).

23 Клиффорд Гирц (1926—2006) – американский антрополог и социолог.

24 Джастификация – метод науки, в основе которого лежит предположение о том, что научная теория обосновывается фактами, логическими последовательностями. Термин введён Имре Лакатосом.

25 Пол (Пауль) Карл Фейерабенд (1924—1994) – учёный, философ, методолог науки.

26 Айн Рэнд (1905—1982) – американская писательница и философ, создатель философского направления объективизма.